

Мишук

(Сказка для Анюты)

В темном лесу жил Медведь. Каждый день собирал он ягоды и всякие вкусные корешки. Тем и питался. Хорошо летом в лесу, тепло и сытно! Иди куда хочешь, спи у любого пенька. А зимой холодно, голодно, нигде ни живой души. Ложись под снег да лапу соси, ничего не растет. Зима долга. Мороз такой, что носу из берлоги не высунешь.

Надоела Медведю такая жизнь как горькая редька. Взял топор да и срубил новый сосновый дом. Сел на лавку и говорит сам себе:

— Чего я раньше-то думал? Давно бы надо дом выстроить.

Живет Медведь в новом доме, и стало ему скучно. Думает: «Как дурак, без жены живу. Целый день один да один».

Лапы в речке помыл, шерсть за ушами пригладил. И пошел в лес искать Медведиху.

Спрашивает у нее:

— Пойдешь, Медведиха, жить ко мне? У меня дом новый, очень теплый.

Она говорит:

— Ежели обижать будешь, ни за что не пойду! Мне, Михайло, и одной хорошо.

— Как не стыдно про меня такие слова говорить? — обиделся Медведь. — Да спроси в лесу кого хочешь, никто про меня худого не скажет.

Повернулся и пошел прочь. Только сучьи затрещали. Даже не сказал «до свидания».

Медведиха всполошилась:

— Михайло Иванович, погоди!

— Чего? — обернулся Медведь.

— Экой обидчивый, и сказать ничего нельзя.

Медведь остановился и говорит:

— Пойдешь, так пойдем, а не пойдешь, так живи одна. Мне долго разговаривать некогда.

— Пойду.

— Так бы сразу и говорила.

Пришли они в дом. Медведь дров наколол, воды наносил полнехоньку кадку. Медведиха половицы вымыла чисто-начисто. Печь истопила, пирогов напекла. Стали они жить-поживать, добра наживать.

А время пришло, родился у них сынок Мишук.

Этот Мишук сразу начал по-своему жить. Такой разгильдяй — ни мать, ни отца не слушает. Каши дадут — не ест. Лапу в горчицу сунет, по столу размажет. Лапа мокрая, вся в горчице. Он из дому выбежит — р-раз! Изо всех сил лапой об угол, чтобы горчицу сшибить. Расшибет лапу чуть не до крови и сунет в рот. А горчица горькая, он давай реветь. Будто кто виноват.

За водой пошлют — не идет. Чай пить сядут — не хочу! И это неладно, и то нехорошо.

Медведь весь день в лесу на работе. Ему за сынком глядеть некогда. Семью надо поить-кормить.

Медведиха сыну говорит:

— Ты, Мишук, совсем отбился от рук. В кого такой уродился? Никакого сладу с тобой нет.

Один раз у нее терпение кончилось. Нарвала за домом крапивы и настегала его по заднему месту. Такая была крапива жигалистая, что Мишук аж привскочил. И так разобиделся, что убежал в лес.

Медведиха его кличет:

— Иди домой, кому говорят!

Мишук сидит под кустом и думает: «Я еще дальше уйду. Будете знать».

— Иди домой! — зовет Медведиха.

Мишук встал и от дома прочь. Идет по лесу, еще пуще сам себя жалеет. А в лесу такая теплынь. Солнышко светит. Пахнет вкусно: то сухой хвоей, то зеленым листом. Мишук успокоился маленько. Хотел было повернуть обратно к дому, но опять вспомнил обиду. «А чего она крапивой хлещется?» — подумал он. И пошел дальше назло всем. Кого хотел проучить, не знает и сам.

Конечно, если бы есть не хотелось... И еще кабы дом-то за тобой шел: идешь — и дом за тобой. А дом стоит на одном месте. Тут волей-неволей вспять повернешь. Только хотел из лесу Мишук вернуться, вдруг бежит Заяц. Сперва Заяц отскочил в сторону. Потом увидел, что Мишук и сам боится, давай наскакивать то с одного боку, то с другого.

— Гляди! — говорит Заяц. — Ежели драться будешь, попадет хуже! Сразу заплачешь!

А Мишук не думал ни о какой драке. Глядит на Зайца, не знает, что и сказать.

Заяц немножко одумался и сел на пенек. Спрашивает:

— Ты чей?

— У меня мама Медведиха, — тихо сказал Мишук.

— Знаю, что Медведиха. А отец?

— Медведь.

— Это который толстый такой? Я сразу так и подумал.

— Он не толстый, — обиделся Мишук.

Стало тихо в лесу. Только осинник шелестел от теплого ветерка.

— Чего у тебя уши такие длинные? — спросил Мишук.

Заяц потрогал свои уши. Подумал и говорит:

— А у нас капусту садили!

Мишук не знал, что делать дальше.

— Знаешь чего? — сказал Заяц. — Давай наперегонки. Вон до того пенька!

— Давай, — согласился Мишук.

И они побежали наперегонки. Заяц добежал намного быстрее. Мишук даже вспотел. И опять стало скучно. Жарко.

Заяц сказал:

— Давай вон еще до той горушки.

— Давай, — согласился Мишук.

А сам думает: «Эх, был бы с собой самокат, я бы показал этому Зайцу».

— Только я сейчас не впрямь побегу, — сказал Заяц. — Ты по дороге беги, а я кривулять начну. Может, и ты первый тогда прибежишь.

Бежит Мишук что есть духу, ничего не видит, не слышит. Только бы первому. Добежал до горушки — нет Зайца. «Ага, — думает. — Я быстрее добежал».

А Зайцу стало просто неинтересно. Прыг-скок, прыг-скок — сюда и туда. По всему лесу. Только лапы мелькают в воздухе. Обидно Мишуку. Побежал напролом через все заросли. Налетел на дерево, ушибся. А Заяц знай помахивает. Убежал неизвестно куда, вернулся. Мишук за ним. Бегали, бегали, оба очень устали.

— Домой хочу, — вздохнул Мишук.

— И я тоже, — признался Заяц.

— А дорога где?

— Теперь я и сам не знаю, — сказал Заяц. — Была тут, а нету.

Искали, искали — дороги нигде нет. В лесу стало темнеть. Солнышко закрыла большая черная туча. Вскоре зашумел ветер, деревья начали скрипеть и качаться. Гром загредел. Стало так жутко, что оба даже зажмурились. Заяц открыл один глаз, думал — все прошло. Ничего подобного! Стало еще темнее. Запорохивал дождь, гром все ближе и ближе.

— Знаешь чего? — заикнулся Заяц. — Ты по деревьям умеешь лазить?

— Ага, — сказал Мишук.

— Надо залезть на дерево, дом посмотреть.

Они нашли большую суковатую сосну.

— Она качается! — испугался Мишук.

— Ну и что? Ты полезай, я тебя подсажу.

Заяц уперся в землю всеми лапами и подставил спину. Но Мишук оказался такой тяжелый, что Заяц заверещал:

— Ой-ой, слезай!

Мишук зашел с другой стороны. Он увидел на сосне большой сук. Совсем низко. Кое-как добрался до этого сука. Дальше было много сучьев, и Мишук полез как по лесенке.

Он боялся глядеть вниз. Заяц подбадривал его с земли:

— Лезь еще, лезь еще! Я не убегу. Вот ни за что не убегу!

Мишук долез чуть ли не до самой вершины. Дальше были уже совсем тонкие веточки. Сосна качалась от ветра, наверху было холодно. Мишук поглядел вокруг. Везде шумел один лес. Лес и лес, куда ни посмотришь. Лишь в одной стороне сверкали зеленые молнии.

— Видно чего? — спросил Заяц.

Но Мишук не услышал. Грянул такой гром, что зазвенело в ушах. Мишук обхватил дерево лапами.

— Слезай! — услышал он Заячий голос.

Легко сказать — слезай! Сзади-то глаз нету, только хвост. Ничего не видно, да и сучья стали скользкие от дождя. Везде шумело, гредело, сверкало. Мишук нащупывал задними лапами сучья и кой-как спускался все ниже и ниже. Вот и последний сук.

Бах! От грома у медвежонка ослабли сразу две лапы. Он бухнулся на землю. Хорошо, что внизу был мох!

Заяц тоже был весь мокрый. От воды он стал еще меньше. Оба тряслись от страха и холода. Сидят под сосной, мокрые, голодные и холодные. Всеми брошенные. А вокруг один только лес, да темная ночь, да грохот и проливной дождь.

Гроза ушла в другие места, но наступила ночь. Заяц с Мишуксом прижались друг к дружке. Уснули и спят. У обоих шерстка обсохла. Утром стало светло — спят. Солнышко поднялось, с одного боку пригрело — спят! Вдруг пробудились оба. Сразу стало очень весело.

— Знаешь чего? — говорит Заяц. — Давай лучше не будем реветь.

— Не будем, — согласился Мишук и всхлипнул.

— Вот ни за что, ни за что! Лучше будем вместе дорогу искать!

— Вместе, — повторил Мишук и проглотил слезы.

Они снова пошли искать дорогу. А лес был такой глухой, такой незнакомый! Коряги торчали на каждом шагу. Мишук чуть не проколол одну лапу острым сучком.

Шли весь день и совсем ослабели. Что делать? Страшно. Забыли про уговор. Сели под елку и заплакали..

— У-у-у-у, — ревет Мишук.

— И-и-и-и, — заливается Заяц.

Недалеко от этого места жил Еж. Он только хотел прилечь после обеда, вдруг слышит: в лесу рев. Да еще в два голоса. Сразу весь сон как рукой сняло, побежал на выручку. Увидел Зайца с Мишуксом, спрашивает:

— Чего плачете? Заблудились?

Заяц и Мишук перестали реветь.

— Плохо ваше дело, — говорит Еж. — Я дорогу тоже не знаю. Задумались все.

— Вот что, — говорит Еж. — Надо нам искать Лису Патрикеевну. Та все на свете знает. Она дорогу покажет.

— Не надо нам Лису! — воспротивился Заяц.

— Ну, тогда не знаю, что делать, — сказал Еж. — Больше ничего не могу посоветовать.

— А где Лиса-то живет? — спросил Мишук.

— Покажу, — говорит Еж. — Вот бегите до речки, потом влево, а там будет тропка. Прямо к ней. Только не говорите, что меня видели.

Мишук пообещал, что не скажет. Заяц поежился, поежился, да что делать? Побежал следом искать Лису. Только вышли на тропку, а Лиса и сама тут как тут. Подол подобрала, идет и поет:

— Уродилася я как в поле былинка...

Заяц прижал одно ухо, говорит Мишуку:

— Давай спрячемся!

Мишук его не слушает, прямо к Лисе:

— Тетя Лиса, тетя Лиса!

— Здравствуйте! — говорит Лиса. — Что это вы мокрые эдакие?

— Мы заблудились!

— Ай-яй-яй, как нехорошо.

— Не знаем, где дорога домой...

Лиса говорит:

— Покажу, как не покажу. Только сперва ко мне домой сходим. Ведь вы, наверно, голодные. А я ходила к Медведихе дрожжей занимать, гляжу: ушки из куста выглядывают.

Лиса погладила Зайца по голове. Заяц прижал оба уха сразу. Зажмурился. Потом все пошли домой к Лисе.

У Лисы забор высокий, калитка крепкая.

— Ты, Зайчик, сперва уток ощибли, потом обедать будем, — говорит Лиса.

— М...м...мне бы... Я бы лучше морковку полоть! — сказал Заяц. Он даже заикаться начал, до того ослаб.

— Морковку Мишук выполет, — не согласилась Лиса. — Я пока за растопкой к Дятлу схожу.

Закрывает калитку на замок, ключ спрятала в карман передника. И сама ушла.

— Пропали мы теперь, — сказал Заяц и горько заплакал.

Тем временем Медведиха дома всполошилась. Вторые сутки сына нет, шутка ли?

Медведь говорит:

— Никуда не денется. Есть захочет — придет.

Медведиха заругалась еще пуще:

— Ты такой и есть! Сынка нет, а тебе хоть бы что!

Медведь молчит.

День проходит. Второй. Нет и нет Мишука. Медведиха заплакала в голос. Медведь и сам видит, что дело плохо.

Пошел искать. Идет по лесу, кричит. Нет Мишука.

Лису встретил, поздоровался. Спрашивает:

— Не видала ли, Патрикеевна, сына моего? Ушел, третий день дома нету.

— Нет, Михайло Иванович, не видала, — говорит Лиса. — Не видала и врать не хочу.

— Ну, до свиданья коли.

— До свиданьяца.

Расстроился Медведь, пошел по лесу дальше. Кричит, ухает. Никого нет, один лес шумит. Вдруг бежит навстречу Ежик, похрюкивает.

— Здравствуй, Медведь!

— Здорово, Еж Ежович, не видал ли сына моего?

— Видал, третьего дня, — говорит Ежик. — Заблудились оба с Зайцем. Я их к Лисе направил.

— Ну, спасибо!

— Не на чем.

Медведь пришел к Лисе, у ворот стучается. Лиса вышла.

— Это ты, Михайло Иванович?

— Я! Говори сразу, у тебя Заяц с Мишуком?

— Гостят, у меня гостят!

Медведь рассердился, чуть ворота у Лисы не выломал.

— Почему обманываешь? Спрашивал — не сказала.

— Ах, Мишель, я такая стала рассеянная, такая рассеянная.

— Отпирай! — рассердился Медведь.

Лиса испугалась, ворота отперла ипустила Медведа. Пока они в избу входили, Заяц из ворот как выскочит. И в кусты.

— Уж такой он у тебя хороший, такой воспитанный, — говорит Лиса про Мишука. — Каждый день собираюсь домой свести, да все забываю.

Мишук как увидел отца, так и бросился к нему. Плачет от радости, а голоса не слышно. Лиса заставляла его в жару полоть морковку, потом поила одной холодной водой. От этого и голос пропал. Даже реветь было нельзя.

— Да хоть бы чаю попили, — говорит Лиса. — Я самовар поставлю.

— Не требуется! — рявкнул Медведь и хлопнул воротами. — Пойдем домой, сынок. А Заяц где?

Лиса всплеснула руками:

— Такой бессовестный, такой бессовестный! Убежал. Хоть бы за квартиру спасибо сказал.

— Не ври! — высунулся из кустов Заяц. — Сама-то больно хороша.

— Молчи, фулиган!

— Ох, Лиса, — вздохнул Медведь. — До чего ты стала хитра, что и про совесть забыла.

Взял сынка за лапу и повел домой.

Заяц бежал с ними то сзади, то спереди. Тоже охрип, но все равно прыгал очень высоко.

— Сам добежишь теперь? — спросил Зайца Медведь.

— Добегу, — сказал Заяц и ускакал в свою сторону.

Медведь привел медвежонка домой. Медведиха от радости пироги сильно пересолила. Не знала, что и делать: то ли в печке заматать, то ли самовар ставить.

Ах, как хорошо было дома!

